

А. Г. ГЕРЦЕН

ОПИСАНИЕ МАНГУПА-ФЕОДОРО В ПОЭМЕ ИЕРОМОНАХА МАТФЕЯ

В 32-м межвузовском сборнике АДСВ была опубликована моя статья, посвященная разбору текста поэмы иеромонаха Матфея «Рассказ о городе Феодоро...» [1, с. 257-282]¹. Несколько слов о предыстории данного проекта. Первоначально предполагалась совместная с Х.-Ф.Байером публикация на данную тему. Австрийский филолог намеревался дать историографический очерк источника, греческий текст и перевод на русский язык. Моей задачей было комментирование содержания поэмы с точки зрения соответствия приводимых в ней описаний архитектурно-археологическим реалиям Мангупского городища. Мною была получена часть текста, подготовленная предполагаемым соавтором. Однако затем он решил превратить данный материал в отдельную книгу, дополнив сюжет о поэме своими очерками, посвященными проблеме истории крымских готов [2]. Фактически это была попытка провести ревизию почти всей византийской части источниковедческой базы истории средневековой Таврики. Не во всем эта задача была решена успешно, что было отмечено в нашей рецензии [3, с. 615-632]. Обращение вновь к данной теме вызвано тем, что моя статья оказалась оторванной от текста источника, нуждавшегося в построчном комментарии. Кроме того, приложенные к статье схемы, показывающие маршрут автора поэмы, напечатаны с таким качеством, что практически не содержат необходимой информации. Тем не менее, я благодарен редколлегии АДСВ за публикацию статьи. К настоящей статье, для облегчения восприятия комментариев к «Рассказу», прилагается греческий текст из книги Х.-Ф.Байера без подстрочных примечаний и русский перевод (Приложение 1).

Впервые источник был опубликован в 1927 г. Сильвио Меркати [4, S. 19-30], первоначально отождествившим место действия поэмы с Кафой-Феодосией². Однако в примечании к тексту, под влиянием работы Гейда [5, p. 211-214], он склонился к мнению о связи Феодоро с Мангупом [6, S. 392-396]. А.А.Васильев в американской версии своей монографии, посвященной истории крымских готов, использовал источник без детального анализа, однозначно связав его фабулу с Мангупом [7, p. 188-192]. Затем длительное время поэма не пользовалась вниманием византиноведов, пока Х.-Ф.Байер не привлек ее для исследования церковных отношений в Крыму конца XIV в., ограничившись кратким изложением содержания [8, с. 74-75].³ В этой же публикации приведены краткие сведения об авторе, который отождествляется с иеромонахом Матфеем из монастыря Кирицу (Константинополь). Он был направлен патриархом Антонием

¹ Ради справедливости должен отметить, что копию первой публикации источника мне передал в 1996 г. руководитель византийского семинара в университете Иоганна Гуттенберга (г. Майнц) профессор Гюнтер Принциг, за что я ему очень благодарен, как и за другую неоценимую помощь.

² История обнаружения и введения в научный оборот поэмы Матфея, к сожалению, не изложена в книге Х.-Ф.Баера.

³ В тексте предлагаемой статьи инициалы г. Байера приведены в соответствии с формой, принятой в его книге «История крымских готов...».

IV в августе 1395 г. в Хазарию, а конкретно в Ялиту (Ялту), в качестве экзарха [8, с. 74].

Отметим, что произведение написано в жанре плача (монодии), весьма популярном в византийской литературе второй половины XIV в., образно отражавшем тяжелые времена переживаемые Империей. В качестве примера можно привести «Монодию на павших в Фессалонике» Дмитрия Кидониса, повествующую о драматическом конфликте между низами и знатью в августе 1345 г. [9, с. 73-83]. В композиции и поэтических приемах поэмы Матфея прослеживаются те же черты, что и в этой траурной оде. Здесь и характерное для энкомиев города восхваление его внешнего вида с приведением ряда конкретных деталей, и неоднократные апелляции к городу и его убиенным гражданам.

Приступая к разбору содержания поэмы с точки зрения содержащихся в ней реальных сведений о Юго-Западной Таврике и городе Феодоро, решимся высказать мнение о характере миссии иеромонаха. Если в качестве рабочей гипотезы принять предположение г. Байера о том, что поэма появилась около 1395 г., то стоит обратить внимание на совпадение времени прибытия иеромонаха в Крым в качестве патриаршего экзарха с завершающей фазой драматических событий в жизни Готской и Херсонской митрополий. К этому сюжету обращались практически все авторы, касавшиеся церковной истории средневековой Таврики (Ю.А.Кулаковский, А.Л.Бертье-Делагард, А.А.Васильев, А.Л.Якобсон, А.И.Романчук и др.). Наиболее обстоятельно он рассмотрен в статье Н.М.Богдановой [10, с. 23-32], по ней дадим краткое изложение сути дела. Как известно, с конца 60-х гг. XIV в. между архиереями разгорелся конфликт из-за перераспределения приходов. Вероятно, одной из причин было усиление княжества Феодоро, в столица которого Мангупе-Феодоро находилась и резиденция готского митрополита. На некоторое время ему были предоставлены экзархальные права по отношению к херсонской митрополии, что повлекло передачу из ее состава ряда приморских областей под управление Готской митрополии. В 1384 г. в Крым был направлен иеромонах Исидор для улаживания конфликта, а также для укрепления ставропигиальных прав патриарха в Ялте, которая также вероятно оказалась под властью готского митрополита. Миссия его в отношении первой проблемы была неудачной, вторая, судя по всему, завершилась успехом. Вероятно, Ялта играла роль своеобразной буферной зоны между враждующими митрополиями. Во всяком случае, через 10 лет иеромонах Матфей был отправлен в качестве экзарха Антония IV в уже бесспорно подчиненную патриарху Ялту. Можно достаточно уверенно предположить, что ему также вменялось продолжить попытки уладить не угасший конфликт двух митрополитов. Возможно, здесь он встретил активное сопротивление своей миссии, вылившееся в оскорбительные по отношению к представителю патриарха действия. Намек на это содержится в кратком описании виденного Матфеем на пути к Феодоро. Судя по первым строкам поэмы, где говорится о нанесенном ему оскорблении, заставившем его пуститься в путь на «чужбину», не исключено, что подразумевается фиаско на почве миротворческой деятельности. Вряд ли этот эксцесс имел место в предшествующей крымской миссии Матфея, поскольку сюда он был направлен повелением патриарха, а не по своей воле. Другое дело, что на месте он мог действовать по своему усмотрению, в зависимости от складывавшихся обстоятельств. Возможно, он принял решение посетить враждующих архиереев в их резиденциях, когда не смог добиться их примирения, находясь в Ялте.

Принимая такое объяснение, мы существенно повышаем степень соответствия содержащихся в начале текста деталей описания местности (ст. 4-10) с реальной топографической ситуацией. Очевидно, что фабула поэмы строго ограничена событиями путешествия Матфея по Хазарии. Это видно уже по смыслу строки 3. В 4-й строке конкретно говорится о пересечении этой территории «по верху». Х.-Ф.Байер справедливо видит в этом указание на преодоление горного хребта, который в данном случае можно отождествить с Главной грядой Крымских гор, именуемой в современной географической литературе также «хребет Яйла». С юга в него вклинивается Ялтинский амфитеатр. Преодолев Яйлу, путешественник оказывается в стране, изобилующей зерном, фруктами, домашними и дикими

животными, рыбой (ст. 5-8).

Здесь необходимо подробнее остановиться на двух моментах: определение маршрута этой части путешествия и времени года, когда Матфей проследовал через Яйлу. Обратившись к карте данного района Крыма, можно предположить несколько вариантов маршрута (рис. 1). Казалось бы, самый простой – это маршрут, в основном совпадающий с современным шоссе из Ялты в Бахчисарай через Ай-Петринский перевал. Однако в средневековье, чтобы попасть с Южного берега в район Мангупа и Эски-Кермена, чаще пользовались более пологими и удобными для пешеходов и всадников перевалами Гаспра-Богаз и Эски-Богаз [11, с. 388-389].

В описании увиденного на той стороне гор обращает внимание упоминание об изобилии рыб в *гаванях*, но не в реках или озерах. Таким образом, если не пытаться прибегнуть к двусмысленным толкованиям, то прямо из данного пассажа следует, что Матфей оказался вновь на морском побережье, изобилующем бухтами, с водой, приятными горами и равнинами (ст. 11). Возможно ли это? Да, если предположить, что вначале Матфей направился к резиденции херсонского митрополита, какъвым в то время был Фаддей, в пользу которого было принято решение во второе патриаршество Макария, в 1390 г. сменившего на престоле Нила, благоволившего готскому архиепископу. В тексте ничего не говорится о посещении эвхархом Херсона, впрочем, митрополит не обязательно имел резиденцию в городе⁴. Он вполне мог пребывать в окрестностях города, например, в верховьях Северной бухты, где находился один самых крупных христианских комплексов Таврики, включавший, по крайней мере, три пещерных монастыря, многочисленные наземные храмы. Этот район Инкерманской долины и сейчас впечатляет грандиозными архитектурно-археологическими ансамблями Монастырской и Загайтанской скал, отрога Сапун-Горы, Уч-Баша. Церковная традиция связывала это место с пребыванием здесь в ссылке Св. Климента. Здешняя местность представляет изумительное сочетание горного ландшафта с просторными долинами. Путешественников, посещавших ее во времена, предшествовавшие превращению бухты в базу военно-морского флота, поражали ее природные богатства. Вот слова турка, Эвлии Челеби, побывавшего здесь в 1666 г.: «этот большой залив по окружности составляет 3 мили. Пролив, находящийся между скал, [впадает] в восемь заливов, каждый из которых способен вместить по тысяче судов, каждый залив – глубокий, как колодец. Здешние вода и воздух довольно приятны. Достойны похвалы тысячи разнообразных рыб. Эти заливы подобны заливам Искендерин в Египте. Но ни в одной стране нет вокруг таких заливов горных [пастбищ заполненных] косулями, ланями и дикими баранами. В зимние дни только творец знает счет водяным птицам, как гусь, утка, лебедь, цапля, баклан, красная утка» [12, с. 29]. Во всяком случае, в Юго-Западной Таврике, с которой связана фабула поэмы, больше нет мест, соответствующих содержанию ст. 5-8.

Наиболее оптимальный маршрут, которым сюда мог проследовать Матфей, пролегал через перевал Шайтан-Мердвень (Чертову Лестницу), использовавшийся, по крайней мере, с античного времени для связи Южного берега с районом Херсонеса. Не случайно именно этой дорогой пользовались путешественники даже в XIX в., например, А.С.Пушкин, в сентябре 1820 г. добравшийся так из Гурзуфа до Георгиевского монастыря, а оттуда, через Каралезскую долину под Мангупом, в Бахчисарай.

Кстати, это в какой-то мере объясняет, почему Матфей не воспользовался, казалось бы, более удобным морским путем, для того чтобы попасть к месту на побережье, отстоявшему от Ялты на расстоянии всего лишь около 80 км. Во-первых, в его распоряжении просто могло не оказаться соответствующего судна, во-вторых, время, избранное им для путешествия, возможно, не благоприятствовало морским поездкам. На Черном море период высокого риска плавания парусных и гребных судов вдоль лишнего закрытых бухт Южного берега начинался уже с конца сентября и продолжался до апреля–мая. В начале XIV в. генуэзские статуы запрещали здесь навигацию с декабря до середины марта [13, с. 77]. Принимая оговоренную

⁴ Не исключено, что умолчание о Херсоне не случайно, так как город, вероятно, незадолго до визита Матфея был сильно разрушен в результате похода Эдигея, об этом см. ниже.

выше узкую дату поэмы, мы должны были бы, учитывая хронологию предшествующих событий, приведших к наблюдавшимся Матфеем последствиям, отнести путешествие как раз к концу 1395 г. (о хронологии поэмы см. ниже). Разумеется, не исключались плавания и в неблагоприятное время года, если для этого была особая потребность и не было альтернативных способов перемещения. Так, в ноябре 1396 г., т.е. в тот период, когда Матфей наверняка находился в Крыму, из канцелярии патриарха были отправлены вызовы митрополитам херсонскому и готскому по донесению последнего о том, что первый вопреки запрету благословил пятый брак. Кстати, после этого в церковной жизни Крыма наступает пауза до конца века, митрополичьи кафедры становятся вакантными, на полуострове происходят драматические события, последствия которых как раз и пришлось наблюдать патриаршему посланцу.

По поводу разнообразия населения этой страны (ст. 9-10) вполне справедливо примечание 28 г-на Байера. Несомненно, наряду с христианами, здесь обитали татары, тем более, что вся эта территория юридически входила в состав владений Золотой Орды и местные власти признавали ханский сюзеренитет, о чем свидетельствует надпись, найденная на Мангуле, сообщающая о каком-то строительстве, скорее всего фортификационном, и упоминающая имя Тохтамыша [14, с. 5-8].

В ст. 13 автор переходит к теме о Феодоро, причем, судя по смыслу строки, он добирается туда из местности, в которую он прибыл ранее и описал выше. Ст. 14-15 очень точно передают впечатление, которое создает Мангупское плато при обзоре со стороны – его изолированное положение по отношению к окружающим массивам, от которых оно отделено глубокими долинами, дно которых опущено ниже поверхности горы от 250 до 350 м (см. также ст. 24-25). Высокие обрывы, образующие верхний контур плато, образно переданы как «стены небом кованы, без рук обтесаны» (ст. 28).

В ст. 16, как мне кажется, заключен очень важный момент, касающийся особенностей оборонительной системы города. Наш наблюдатель говорит не буквально об укреплениях города, представляющих обычно стены, окружающие застроенную территорию, но употребляет термин «клинсуры», явно подразумевая особым образом защищенное пространство, на котором размещается город. Этот момент особенно усилен в ст. 26-27, подчеркивающих положение города «посередине равнины».

Оборонительная система Мангула действительно не типична для города периода развитого средневековья. Следует учесть, что крепостной ансамбль на плато начал создаваться еще в эпоху Юстиниана I [15, с. 136-137]. В результате получилась гигантская крепость-убежище, предназначавшаяся для содержания гарнизона и дополнительных контингентов войск, а также для укрытия населения окрестных долин со своим скотом и другим имуществом. Наиболее вероятно, что именно она упоминается в византийских источниках VII-IX вв. под названием Дорос, как главная крепость Крымской Готии. Общая площадь крепостного полигона составила 90 га. В него была включена как плоская поверхность горы, так и верховья балок с севера прорезающих массив (рис. 2). Таким образом, эта часть плато расчленена на четыре мыса, возвышенные средние части которых представляются как бы особыми возвышенностями. Главные усилия фортификаторов требовались при возведении стен, пересекавших ущелья между мысами, поскольку трасса их проходит по весьма крутым склонам. Причем в соответствии с принципами полиоркеттики, в тальвегах ущелий стены должны были смыкаться, образуя входящий угол, для обеспечения эффективного флангового обстрела противника. С западной, южной и юго-восточной стороны плато окаймлено обрывом, достигающим высоты 70 м. В нем есть как отдельные узкие крутые расщелины, так и довольно обширные участки пологого, точнее уступчатого склона. В первом случае в самом узком месте возводились короткие однокуртинные стены, соединявшие скальные щеки распадка, во втором приходилось сооружать стену, которая как бы соединяла по верхней кромке плато участки обрывистого склона. Таким образом, фортификации заполняли бреши в скальном массиве, созданные самой природой. Они

составили комплекс Главной линии обороны (ГЛО), обеспечивавшей защиту максимально возможной площади плато. В ней практически не было стен, возвышавшихся над кромкой плато, образующих сомкнутый крепостной полигон. Система состояла из отдельных, дискретно расположенных звеньев, основной задачей которых было, дополняя естественные обводы плато, создать непрерывный оборонительный контур, общая протяженность которого составила около 7 км.

Эта линия без каких-либо принципиальных планировочных изменений просуществовала вплоть до начала XVI в. Производились лишь ремонты отдельных ее укреплений, подвергавшихся разрушению в результате военных действий или природных сил. Основательной реконструкции она подверглась через четверть века после захвата Мангупа турками-османами. Для приспособления крепости к использованию огнестрельного оружия были перенесены выше по склону отдельные участки крепостной ограды, спрямлены куртины, перестроены старые башни и добавлены новые.

Кроме ГЛО в крепостном ансамбле есть еще два важных и хорошо заметных комплекса: ретраншемент, т.е. вторая линия обороны (ВЛО) и цитадель. ВЛО представляет непрерывную укрепленную линию, состоящую из куртин и башен с открытой тыльной частью. Общая ее протяженность около 700 м. Один ее фланг примыкает к неприступному участку юго-западного склона плато, другой заканчивается башней на западном склоне ущелья Гамам-дере, причем здесь ВЛО смыкается с ГЛО, звено которой (А.XV) является как бы продолжением напольной линии. Цитадель занимает изолированное положение, занимая крайний северо-восточный мыс Тешкли-бурун. Главным ее компонентом является трехэтажное здание, имеющее одновременно и крепостной, и дворцовый характер, в литературе обычно именуемое редюитом, донжоном или дворцом. Очевидно, оно служило укрепленной княжеской резиденцией. С двух сторон к зданию пристроены куртины, противоположными флангами примыкающие к неприступным обрывам мыса. За этой напольной оборонительной линией на площадке мыса расположены остатки разнообразных построек. В настоящее время ведется их археологическое изучение, о некоторых результатах которого будет сказано ниже.

Важно отметить, что в тексте нет никаких намеков на наличие оборонительных стен на плато, за исключением цитадели. Даже ныне хорошо видимые сооружения ВЛО не бросились в глаза наблюдателю иеромонаху, скорее всего, по той причине, что тогда их просто еще не было. Это вполне подтверждается данными археологических исследований и письменных источников. Возведение ВЛО может быть отнесено ко времени более позднему, чем визит Матфея: к 20-м гг. XV в., когда город возрождался из руин в правление князя Алексея, и печальный опыт событий конца предшествовавшего столетия заставил позаботиться об усилении крепости возведением страхующей линии, прикрывшей наиболее застроенную часть плато и отсекавшей от нее обширный участок с двумя мысами, Чамну-бурун и Чуфут-Чарган-бурун, и ущельем Табана-дере.

Мы не случайно столь подробно характеризуем структуру крепостного ансамбля Мангупа: это важно для понимания смысла используемых Матфеем терминов, касающихся вида крепости, как она воспринималась при первом знакомстве. Автор явно подчеркивает отсутствие сплошной оборонительной линии вокруг города, имея в виду отдельные стены, перегораживающие расселины и ущелья. Этой ситуации лучше всего соответствует термин «клинсуры», употребленный в ст. 16.

Дальнейшее повествование позволяет весьма точно установить маршрут, которым следовал Матфей по городу (рис. 2). Остается только поражаться его наблюдательности и великолепной зрительной памяти, поскольку вряд ли он вел какие-то текущие записи. Очевидно, что поднимался он с юго-востока, со стороны балки Алмалык-дере, там, где и ныне пролегает единственная колесная дорога, ведущая на плато. Она начинается у восточного склона высоты Мазар-тепе, затем, постепенно поднимаясь и огибая ее, проходит по верхней части южного склона Алмалык-дере, далее огибает верховье этой балки и проходит уже под юго-восточным

обрывом плато, постепенно приближаясь к нему. Под оконечностью мыса Тешкли-бурун она резко поворачивает и следует уже под его северо-западным обрывом по склону ущелья Капу-дере, подводя к расположенным в верховьях главным крепостным воротам.

До недавнего времени предполагалось, что описанная выше дорога сохранила свою первоначальную трассу, по крайней мере, с феодалитского времени, а может быть и более раннего. К ней можно было бы достаточно уверенно, делая некоторые скидки на специфический стиль источника, приурочить содержание ст. 32-33. Однако данные новейших археологических разведок показывают, что существовала и другая дорога, более короткая, но более крутая, и, вероятно, более древняя. По своему решению она ближе всего стоит к, несомненно, раннесредневековой подъемной дороге к соседней с Мангупом византийской крепости Эски-Кермен. Следы ее выявлены на северо-западном склоне Алмалык-дере. Начиналась она на дне балки в районе исследуемого в настоящее время обширного готско-аланского некрополя V-VIII вв. и несколькими маршами зигзагом вела к подножию обрыва мыса Тешкли-бурун, где она соединяется с ныне существующей дорогой (рис. 2,1). Именно этот путь более всего соответствовал бы определению как спиралью восходящий, кругами ведущий к главным воротам (рис. 2,2).

Ворота поразили Матфея, не случайно они описаны наиболее подробно (ст. 33-42) из всех виденных им в городе сооружений. Прежде всего, он отмечает характер кладки, использование в ней крупных хорошо отесанных и подогнанных квадратов, из которых сложен четырехугольный в плане опорный пилон, лицевая часть которого выполнена в технике *opus quadratum*. Обычно в публикациях, посвященных крепостным сооружениям Мангупа, она приводилась как наиболее выразительный пример монументальной кладки юстиниановского времени [16, с. 55-58; 17, с. 419]. Судя по данным наших раскопок, зарисовке, выполненной русскими топографами в начале 90-х гг. XVIII в. и описанию академика Келлера (1821 г.), ворота были перекрыты коробовым сводом, опиравшимся одной стороной на пилон, являвшийся завершением оборонительной стены, тянувшейся вдоль склона ущелья Капу-дере, а другой – на скальную стену, в которой были вырублены попарно, один над другим, четыре уступа, служившие пятами подпружных арок ворот. Пролет арки достигал 3,8 м, ширина проезда – 2,6 м, ширина арки – 2,4 м [15, с. 121-123]. Над воротами находится группа вырубленных в скале усыпальниц, в виде камер, входы в которые находятся почти на 6 м выше уровня дороги [18, с. 235-236]. Можно указать, что на соседней с Мангупом византийской крепости на плато Эски-Кермен вдоль последнего марша подъемной дороги, но на уровне ее поверхности, также располагаются вырубные усыпальницы и при них находятся два пещерных храма. Еще в процессе раскопок участка мангупских ворот в 1977 г. нами высказывалась мысль о том, что это странное положение погребальных сооружений могло объясняться их нахождением рядом с храмом, расположенным на том же уровне, то есть высоко над дорогой. Реконструируемые ширина и толщина воротного свода позволяют предположить, что это могла быть надвратная церковь, по примеру других ранневизантийских воротных комплексов. 38-я строка в полной мере подтверждает это.

Полюбовавшись воротами, наш путешественник вступает на территорию города и, прежде всего, с поразительной точностью лаконично описывает общую ландшафтную композицию плато: равнина с четырьмя холмами (строка 43). Именно так воспринимается оно при круговом обзоре из верховьев ущелья Капу-дере (рис. 2,3), откуда дорога переходит уже в городскую улицу, что и сейчас хорошо прослеживается по очертаниям руин, поросших деревьями и кустарником. Холмы – это взгорбленные мысы, на которые расчленяется северная часть плато. Три из них, Елли-бурун, Чуфут-Чарган-бурун и Чамну-бурун, вытянуты в направлении на северо-северо-запад, а Тешкли-бурун – на северо-восток. Любопытно, что эта особенность планировки плато прекрасно наблюдается при подходе к нему с севера, но совершенно не ощущается при следовании южным маршрутом, которого придерживался Матфей, поэтому он и воспринял поверхность плато как равнину с четырьмя холмами.

Совершенно логично в следующих строках (44–45) автор переходит к источникам воды (рис. 2, 4), передавая ощущение почти каждого впервые посещающего Мангул, преодолевшего нелегкий подъем, пораженного открывшейся панорамой и приятно удивленного встречей с мощными источниками воды, бьющими из верховьев ущелий Гамам-дере и Табана-дере. Разумеется, они, прежде всего, притягивали к себе усталого путника.

Здесь же Матфей сообщает о садах в пределах города, орошаемых водой из этих источников. Это может быть отнесено только к участкам тальвега и нижней части склонов двух вышеупомянутых ущелий. Причем, во втором следы размежевки сельскохозяйственных участков каменными оградами и террасные конструкции были выявлены в процессе археологических исследований территории караимского некрополя, занимающего дно ущелья от района источника и до оборонительной стены (А.Х), перекрывавшей Табана-дере (рис. 2, 5). Сведения Матфея в этом отношении полностью подтверждают вывод о начале формирования здесь некрополя не ранее начала XV в. Это тем более ставит под сомнение подлинность имеющихся на данном участке надгробных памятников, содержащих эпитафии с датами, относящимися к IX–XIV вв. по Р.Х. [подробнее об этом см.: 19, с. 746–747].

Весьма уместной кажется после упоминания об источниках воды похвала воздуху этой местности. О том же пишет Эвлия Челеби, объясняющий цветущий вид здешних караимов благодатным климатом [12, с. 34].

После посещения верховьев ущелья с источниками, орошающими водой ниже лежащие сады, пилигрим, судя по дальнейшему изложению, проследовал через город, следуя на юго-восток в направлении к цитадели, занимающей мыс Тешкли-бурун. Жилые постройки не привлекли его внимание, он ограничивается лишь неопределенным риторическим вопросом, намекающим на трудность их описания (ст. 49). Зато храмы, в конструкциях которых он знает толк, впечатляют его (ст. 46–48). Перечислены три их типа: купольные, продолговатые (не знаю, почему в переводе употреблено для этого типа слово «базиликоподобные»?) и круглые (если корректен перевод термина). В этой части повествование впервые теряет строгую маршрутную последовательность, но все же есть возможность, опираясь на результаты многолетних археологических исследований, попытаться установить, какие конкретно памятники можно отождествить со зданиями, виденными Матфеем. Если обратиться к плану городища, то можно увидеть, что первым храмом на пути от Табана-дере оказывается большая базилика (рис. 2, 6), руины которой начал исследовать в 1890 г. Ф.А.Браун, продолжали в 1912–14 гг. Р.Х.Лепер, в 1938 г. М.А.Тиханова, в 1967–69 гг. В.Е.Веймарн, с 1970 г. по настоящее время Н.И.Бармина (в 1972 г. А.И.Романчук) [об истории изучения базилики и результатах ее новейших исследований см.: 20; 21, с. 30–40; 22]. Основанная в раннесредневековое время⁵, она не раз обращалась в руины и возобновлялась. Последний этап ее функционирования, безусловно, относится ко времени существования княжества Феодоро (XIV – третья четверть XV вв.). Матфей не выделяет ее как-то особо из числа прочих храмов Мангупа, хотя это было весьма значительное сооружение, уступавшее в размерах только наибольшим херсонесским базиликам, которые в то время, скорее всего, уже не функционировали, да и вряд ли Матфей мог их видеть, поскольку он не бывал в Херсоне. Единственным указанием на то, что мангупскую базилику он все же мог не только созерцать снаружи, но и заглянуть внутрь, является упоминание о мозаиках, украшавших виденные им в городе храмы. Пока остатки мозаичного пола выявлены только в большой базилике, причем цветовая гамма и композиционный мотив орнамента («пересеченные круги»)

⁵ Вопрос об узкой дате основания базилики до сих пор является дискуссионным. По мнению ряда авторов (Р.Х.Лепер, А.Л.Бертъе-Делагард, М.А.Тиханова, А.Л.Якобсон, А.Г.Герцен), она была построена в правление Юстиниана I, В.Е.Веймарн и О.И.Домбровский настаивали на времени не ранее VIII в., Н.И.Бармина пришла к выводу о том, что на месте базилики первоначально (с VI в.) существовал небольшой храмовый комплекс, затем в VIII в., в результате его расширения и реконструкции, на этом месте появляется большая базилика, отождествляемая с храмом свв. Константина и Елены, ктиторов которого в надписи 1427 г. назван князь Алексей.

идентичны мозаичному декору так называемой «базилики 1935 года» на северном берегу в Херсонесе. Ниже (ст. 65) Матфей пишет и о многоцветных росписях в храмах, но это не было столь уникальным явлением в декоре мангупских церквей. Следы фресок обнаружены в так называемой «церкви Богородицы» в центральной части плато, мимо нее не мог не пройти путешественник (рис. 2, 8). Были они и в церкви св. Георгия [23, с. 64] (рис. 2, 3), она располагалась у начала пути по городу, близ дороги над верховьями ущелья Капу-дере. Наилучшие по сохранности фрески находятся в храме пещерного монастыря в южном обрыве плато, следы их есть даже в небольшом вырубном алтаре при входе в малую карстовую пещеру на южной кромке плато [о фресках пещерных церквей см.: 24, с. 80-89; 25, с. 22-24]. Вполне вероятно, что они были и в ряде других наземных и пещерных церквей, ныне сильно разрушенных или не исследованных. В отношении же мозаики можно гораздо увереннее говорить о ее уникальности для Мангупа, учитывая, что базилика до сих пор является здесь единственным известным раннесредневековым храмом, которому только и мог быть присущ этот монументальный вид интерьерного декора. Правда, данный вывод ставит вопрос о, по крайней мере, двух строительных периодах базилики в период жизни Феодоро, т.к. ряд деталей ее архитектурного убранства относится к первой половине XV в., вероятнее всего к периоду правления князя Алексея (20-30-е гг.). Это относится, прежде всего, к резному portalу южного входа, заменившему первоначальный главный вход, располагавшийся по центру западного фасада. Его орнаментальный мотив (двойной переплетающийся жгут и более мелкое плетение, образующее цепи подквадратных медальонов) аналогичен орнаменту надписи 1425 года, найденной в 1912 г. при раскопках дворца мангупских князей в 100 м к востоку от базилики, а также орнаменту полностью сохранившегося дверного портала главного здания (редюита) цитадели.

Высокая точность как уже рассмотренных описаний, так и тех, к которым мы перейдем ниже, заставляет внимательно отнестись не только к тому, что упомянуто в рассказе, но и к тому, о чем в нем умалчивается. Как отмечалось выше, Матфей, особо в начале своего повествования о крепости, подчеркивает специфику ее защитных сооружений, имеющих характер клисур. Нет ни малейшего намека на существование ВЛО, башни и стены которой в настоящее время являются наиболее заметными архитектурными памятниками в центральной части плато. Очевидно, что в этих условиях расположение главного входа базилики с запада вполне естественно и отвечало ее первоначальному планировочному решению. Не случайно на квадратах по сторонам дверного проема вырезаны вписанные в круг ранневизантийские кресты. Перед входом было обширное открытое пространство. После возведения ВЛО, куртина которой прошла непосредственно через паперть храма, пространство перед западным входом оказалось предельно стесненным, не соответствующим масштабам храма и возможности проведения здесь необходимых публичных церемоний. При последней реконструкции базилики это обстоятельство было учтено и вход был устроен в южной стене близ стыка ее с западной. В интерьер храма также были внесены существенные изменения. В восточную стену была встроена еще одна апсида – южная, а в центральную был вставлен ступенчатый синтрон, взятый, вероятно, из какого-то другого разобранного храма. Им была скрыта фресковая роспись на алтарной стене, фрагменты ее бордюра с растительным орнаментальным мотивом были выявлены при зачистке пазухи между кладкой синтрона и алтаря. Из плит вторичного использования была смонтирована солея, практически полностью сохранившаяся до времени раскопок. В то же время мозаика сохранилась лишь двумя фрагментами в центральном нефе и в углу у пилона в южной части нартекса. Складывается впечатление, что на последнем этапе существования базилика лишилась большей части своего мозаичного убранства. Если Матфей действительно посещал базилику, то, разумеется, он застал ее еще не в том виде, который она приобрела не менее чем четверть века спустя, и, вероятно, ее византийская мозаика оставила у него наиболее яркое впечатление.

Оставив базилику и следуя далее по наиболее вероятному маршруту движения путешественника, отметим, что он ничего не сообщает о дворце мангупских князей (рис. 2, 7), с которым связана строительная надпись князя Алексея, датированная 1425 г. По данным исследований, проведенных А.Л.Якобсоном в 1938 г., в истории этого уникального для средневекового Крыма архитектурного ансамбля можно выделить три этапа. Первый, датированный широко XIV в., завершился в конце этого или начале следующего столетия разрушением и пожаром. Второй, связанный с реконструкцией комплекса в правление князя Алексея, продолжается до начала 70-х гг. XV в. Третий, заключительный, заканчивается с турецким захватом города в 1475 г. [26, с. 417]. Таким образом, Матфей мог видеть дворцовый комплекс в его первоначальном виде и он, вероятно, тогда не выделялся как-то особо из общей картины жилой застройки центральной части плато. О дворцах упоминается в дальнейшем изложении, возможно, среди них подразумевается и будущий «дворец Алексея».

Кроме упоминавшихся выше двухзальных, «продолговатых» церквей, которые мог осмотреть по пути автор, ему могла встретиться, по крайней мере, одна купольная. Таковой, скорее всего, была трехнефная церковь на южном краю в районе высшей точки плато (рис. 2, 9), исследованная Е.В.Веймарном в 1967 г. [27, с. 130-134]. От нее сохранилось только основание, вырубленное в скальной поверхности. Четыре близко расположенные квадратные в сечении базы опорных столбов указывают на то, что они были рассчитаны на большую нагрузку, соответствующую купольному венчанию постройки. Вероятно, купольным было также здание октагонального в плане храма («октагона») на территории цитадели, о котором ниже.

Интересно, что в строке 48 автор счел нужным подчеркнуть статус Феодоро в церковной иерархии как митрополии. Однако, судя по содержанию поэмы, здесь не было не только митрополита, но и вообще ни одной живой души.

Со строки 50 отчетливо начинается сюжет, посвященный цитадели города. И в современном своем состоянии это наиболее впечатляющий своей масштабностью архитектурный комплекс городища. О дате его создания высказывались различные мнения: от VI до XVI вв. Раскопки последних лет показали, что акрополь формируется вместе с превращением поселения в столицу княжества Феодоро. Важные сведения на этот счет содержит надпись, обнаруженная Р.Х.Лепером в 1913 г. при раскопках базилики. Эта плита была использована вторично и явно прямого отношения к храму не имела. Из текста следовало, что в начале 60-х гг. XIV в. на плато велись значительные строительные работы по «восстановлению Феодоро» [14, с. 10]. Смысл этого выражения хорошо согласуется с археологическими данными, которые показывают, что, по крайней мере, с середины XI по XIV вв. в жизни поселения был «мертвый сезон», представленный на городище лишь единичными артефактами (монета Андроника I, несколько фрагментов поливной посуды), не говоря уже о культурных напластованиях. Можно определенно считать, что столица возводилась в пределах пустовавшей крепости, оборонительные звенья которой, создававшиеся восемь столетиями ранее и несшие службу на протяжении почти полтысячелетия, несомненно, нуждались в серьезном ремонте. Именно с них началось восстановление Феодоро. В пределах крепостного полигона появилась жилая застройка, пока еще очень слабо изученная археологами, именно ее и созерцал Матфей. Возводились новые церкви и возрождались из руин старые. Наиболее значительные по размаху новостроечные работы развернулись на мысе Тешкли-бурун, самой природной композицией плато предназначенном для размещения резиденции правителей. В рассматриваемой надписи это обозначено как основание стены и строительство башни «верхнего города почтенной Пойки», под которой и подразумевается цитадель.

Обращаясь к тексту «Рассказа» Матфея важно отметить, что речь идет о башне, на которую поднимается автор. С нее он осматривает город (рис. 2, 12); впечатления, которые переданы в строках 50-59, можно было получить, только находясь на возвышенном месте. В дошедшем до нас виде главное сооружение цитадели представляет монументальное трехэтажное здание, выступающее из укрепленной линии на 9 м, при длине лицевого фасада около 17 м. Высота его превышала 8 м. В литературе оно именуется то казармой, то дворцом, то донжоном, то

редиютом. В целом постройка имеет одновременно и дворцовый, и оборонительный облик, причем последнее характерно для фасада напольной стороны, т.е. обращенного в сторону города. К сожалению, он более всего разрушен и от него осталась только нижняя часть стены до уровня полки амбразуры в ее центральной части. Благодаря свидетельству академика П.С.Палласа, видевшего здание до обрушения этого фасада, мы знаем, что в верхней части также были амбразуры [23, с. 64-65]. Фасад же, обращенный на сторону мыса, был декорирован резными наличниками дверных и оконных проемов. С северо-западной стороны здания находились ворота, через которые можно было попасть внутрь цитадели. На их фронте путешественники видели греческую надпись, украшенную геральдическим орлом (Мартин Броневский – 1578 г., Эвлия Челеби – 1666 г.). Ее не было уже в конце XVIII в., иначе о ней не преминул бы упомянуть П.С.Паллас. Правда, в описании Мангупа, опубликованном в 1839 г., его автор И.С.Андриевский утверждал, что видел плиту на месте [28, с. 541-542], однако доверия это сообщение не вызывает, т.к. к этому времени Мангуп посещали многие путешественники, оставившие описания цитадели (Э.Кларк, М.Гутри, П.Кеппен, Сестренцевич-Богуш, И.Муравьев-Апостол и др.), так же как и Паллас ничего не сообщающие о надписи. Скорее всего, она была вынута до визита на Мангуп Палласа (1792 г.), но вряд ли ранее 1783 г., когда она могла привлечь внимание какого-то неизвестного посетителя из числа русских офицеров или новых землевладельцев-помещиков, занимавшихся коллекционированием античных и христианских древностей. Так, в имении Саблы (совр. с. Партизанское) оказалась плита с греческой надписью, сообщающая о строительстве храма в некоей крепости мангулским князем Алексеем в 1427 г. На ней также размещены в щитообразных медальонах двуглавый орел и крест. Здесь ее увидел и зарисовал П.С.Паллас. Споры о первоначальном местонахождении надписи не утихли по сей день. По мнению А.Л.Берты-Делагарда, посвятившего этому вопросу обстоятельную статью [29, с. 1-44], надпись эта была вмонтирована в одну из башен крепости Каламиты-Инкермана. Академик В.В.Латышев не менее уверенно относил данный памятник к Мангупу. Следует отметить, что последняя точка зрения имеет под собой серьезные основания, поскольку ее содержание хорошо отвечает ситуации, наблюдаемой в цитадели Мангупа, однако, этот вопрос выходит за рамки темы настоящей работы. Важно другое, над воротами цитадели находилась надпись, явно выполненная по стандартам времени правления Алексея, а по свидетельству Эвлии Челеби в ней содержалось и указание даты строительства. Это и до широких раскопок, предпринятых в цитадели нашей экспедицией, давало основание считать, что в первой половине XV в. цитадель если и не была полностью построена, то, по крайней мере, подверглась существенной реконструкции. Раскопки же показали, что северо-западная куртина в этот период была утолщена, по крайней мере, на треть пристройкой дополнительного тыльного панциря, скрывшего панцирь первого строительного периода. На эспланаде цитадели и, вероятно, на ее территории были разобраны несколько построек церковного и дворцового характера, архитектурные детали из которых были использованы при возведении дворца-донжона. Все это весьма важно для правильного понимания смысла сообщения Матфея. Ясно, что цитадель во время его посещения существовала, но облик ее напольного сооружения был иным. Не случайно и надпись 1361/62 г. и «Рассказ...» называют его башней, а не дворцом, как постройка выглядит в дошедшем до нас виде⁶. Возможно, на его месте действительно

⁶ В.Л.Мыц приписывает мне утверждение, будто данная надпись была найдена в руинах цитадели, сам же он полагает, что она скорее происходит из крепостной башни, находившейся рядом с большой базиликой [30, с. 182]. Но на указанных в ссылке страницах моего автореферата ничего подобного не говорится [31, с. 15-16], так как есть точное указание автора раскопок Р.Х.Лепера на то, что плита с надписью была обнаружена во вторичной кладке в большой базилике [32, с. 298]. Это же повторено в работе Н.В.Малицкого [14, с. 8-9], которая, кстати, использована В.Л.Мыцом. То же самое написано на соответствующих страницах как моей диссертации, так и подготовленной на ее основе монографии [15, с. 145]. Данные археологических исследований в цитадели подтверждают нашу гипотезу о связи возникновения цитадели с содержанием упомянутой надписи. См. об этом ниже.

было сооружение башенного типа, напоминавшее, например, находящуюся в 7 км к северу от Мангула Сюреньскую башню, также входящую в состав укрепления мысового типа, по планировке идентичному мангульской цитадели, а последовавшая реконструкция крепостного ансамбля на мысе Тешкли-бурун поглотила первоначальный донжон. То, что увидел Матфей с его высоты, описано в строках 51-55. Он еще раз обращает внимание на «храмы прекраснейшие». Можно приблизительно определить, какие именно храмы мог созерцать наш странник. Нужно учесть, что возможности обзора плато отсюда были ограничены. Самая возвышенная часть плато к юго-западу от цитадели закрывала вид на район большой базилики и всю центральную часть плато. В пределах видимости из известных нам могли быть церковь св. Георгия (рис. 2,3), маленькая церковь на юго-восточном краю плато (раскопана Е.В.Веймарном в 1968 г.) [27, с. 126-128], церковь перед фасом короткой куртины цитадели [27, с. 126]. Вероятно, имела какие-то выразительные внешние признаки пещерная церковь на краю обрыва в 100 м к юго-западу от цитадели, она входила в состав комплекса юго-восточного монастыря, расположенного на двух уровнях под обрывом в естественном гроте и наверху обрыва. Здесь при церкви были также вырубные склепы, исследованные Е.В.Веймарном в 1938 г., о которых будет сказано ниже. Несомненно, были храмы и на территории мыса Тешкли-бурун, и, разумеется, прежде всего, возникает вопрос о церкви октагональной в плане формы (в дальнейшем – октагон) (рис. 2, 13).

Конечно, весьма соблазнительно было бы связать с ней упоминание в строке 47 о круглых храмах, о них не сообщает больше ни один другой посетитель Мангула. В 1890 г. Ф.А.Браун начал раскопки в цитадели восьмигранной церкви, Р.Х.Лепер их продолжил в 1912-14 гг., нашей экспедиции в 1997-98 гг. пришлось завершать исследование территории вокруг памятника. К сожалению, предшественники не оставили удовлетворительной документации, отражающей ход работ и археологическую ситуацию в целом. Это породило весьма различные мнения о дате постройки: от VIII до XIII вв. Мною было высказано мнение о более поздней дате: вторая половина XIV – середина XV в. [15, с. 144]. Аналогией могут служить мавзолеи золотоордынской и крымскотатарской знати, сохранившиеся, например, в Бахчисарае, на Чуфут-Кале, в Салачике. Есть примеры октагональных храмов, возводившихся в начале XV в. в Константинополе [33, S. 70-71, Abb. 31]. Пока нет доказательств того, что октагон в цитадели имеет два строительных периода. Скорее, в свете имеющихся данных, его строительство следует отнести ко времени князя Алексея, когда сложился современный архитектурно-планировочный облик цитадели. Положение храма явно указывает на то, что выбор места для него был подчинен общей планировочной композиции ансамбля цитадели: он расположен точно на оси, проходящей через центр ворот к оконечности мыса. Не он ли подразумевается в надписи 1427 г., если принять версию о ее мангупском происхождении? Во всяком случае, нельзя исключать, что в городе был еще один храм (храмы) подобной оригинальной для Крыма конструкции, более ранний, чем тешклибурунский. Менее вероятно, что последний уже существовал в конце XIV в., хотя надо признать, что пока нет и достаточных оснований, чтобы полностью отбросить такую возможность. Для решения этой проблемы необходимо продолжить исследования пространства вокруг октагона, а также тщательно проанализировать имеющиеся материалы, отражающие градостроительную историю цитадели в целом.

Как отмечалось выше, при возведении донжона (или капитальной его перестройке) были использованы многочисленные декорированные архитектурные детали, происходящие из разобранных монументальных построек предшествовавшего строительного периода. Остатки их были выявлены раскопками как на эспланаде, так и у тыльной стороны укрепленной линии. Вполне вероятно, что упоминаемые в строке 51 вместе с храмами «красоты дворцы» относятся именно к этим утраченным зданиям.

В следующей строке (53) вполне определено речь идет об искусственных скальных сооружениях, которыми изолирует мыс Тешкли-бурун и прилегающая к нему территория плато. Причем не случайно вначале упоминаются высеченные в скале гробницы,

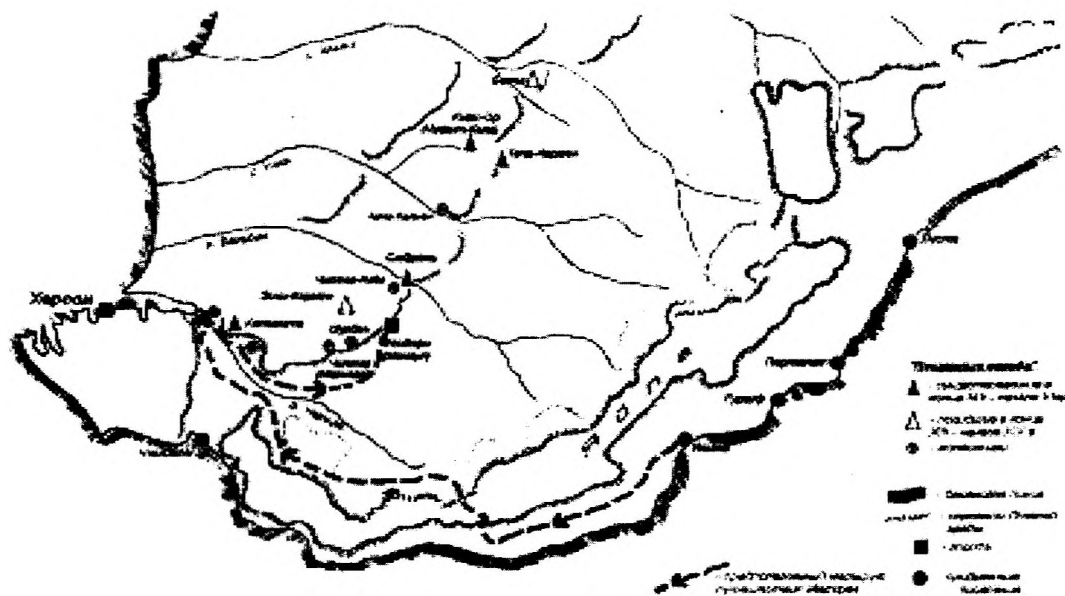

Рис.1. Предполагаемый маршрут путешествия Матфея от Ялты к Феодору.

скопление которых располагается на эспланаде цитадели. Вероятно, этот некрополь сформировался при упоминавшейся выше церкви на краю обрыва перед фасом короткой юго-восточной куртины цитадели (рис. 2, 11). Других вырубных могил со своей точки обзора Матфей наблюдать не мог. Это позволяет определенно сделать вывод о том, что данный некрополь, неуместный на эспланаде укрепленной линии, уже существовал до реконструкции цитадели, осуществленной в начале XV в. Вполне вероятно, что он мог возникнуть и до начала крепостного строительства на мысу, однако, нижняя его дата пока остается не определенной. Что касается колонн и портиков, если термины применены адекватно понятиям, то речь может идти скорее об особенностях интерьеров скальных сооружений, а не об их наружных признаках. Скорее всего, здесь отразились впечатления, которые автор получил уже непосредственно при осмотре этих помещений.

Строки 54-55 рисуют трагическую картину следов побоища. Во время раскопок в разные годы и в различных местах плато обнаруживались человеческие скелеты, обычно без инвентаря, но с явными признаками соблюдения традиций христианского обряда (ориентировка, положение скелета), например, в заброшенных тарапанах (вырубных винодавилях). Обычно такого рода находки отождествлялись с последствиями захвата города турками в 1475 г. Однако сведения Матфея не дают оснований для столь однозначных выводов. Вполне вероятно, что такого рода захоронения могли появиться ранее и отражать другую, более раннюю драматическую страницу в истории Феодоро. В связи с этим представляют интерес данные обследования упоминавшихся выше вырубных склепов у края обрыва в 100 м к юго-западу от цитадели. Приведем дословно выдержки из публикации Е.В.Веймарна: «Все пространство пола (склепа № 1 – А.Г.) оказалось заваленным огромным количеством сильно перемешанных человеческих костей, заглывших темной слежавшейся сырой землей, особенно у входа, где она доходит до половины его. ...Под верхним слоем явно перемешанных костей, среди которых оказалось 77 человеческих черепов (43 из них совершенно целых), на полу склепа найдены были отдельные части костяков, лежавших нетронутыми...

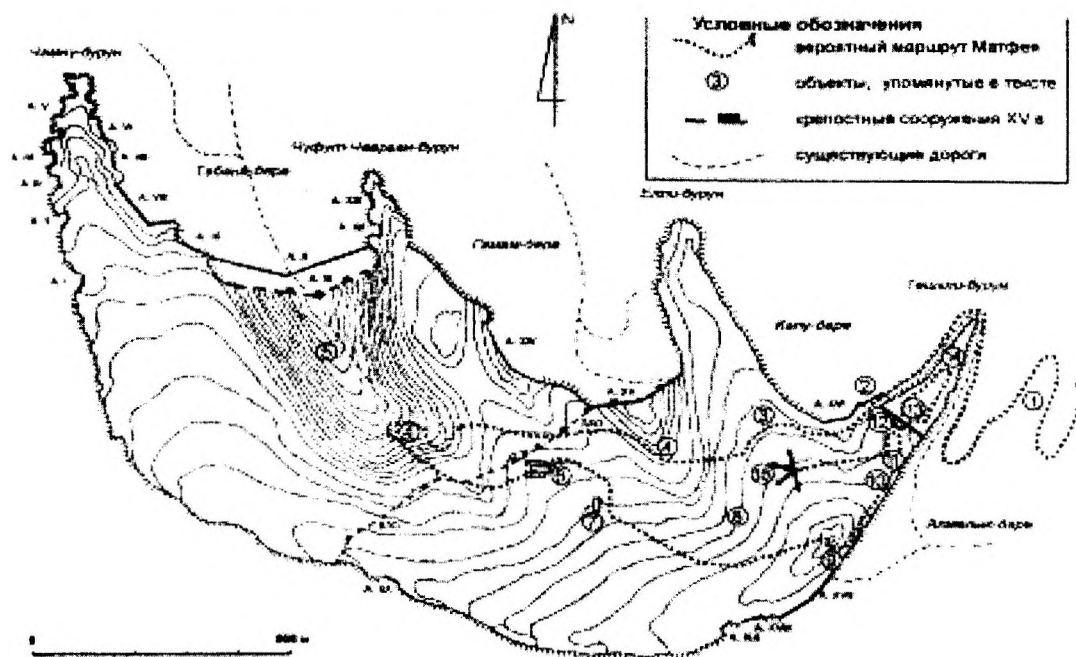

Рис.2. Предполагаемый маршрут путешествия Матфея по территории Мангула-Феодоро.

В верхних слоях (склепа № 2 – А.Г.) находились остатки двух почти целых костяков, один на другом, причем их нижние конечности лежали высоко на ступенях дромоса, а верхние части были опущены настолько, что головы покойных оказались в простенке входа в камеру склепа. ...По-видимому, здесь в разное время было захоронено не менее 13 трупов, так как в простенке входа в камеру и в самом склепе близ входа, приблизительно на одном горизонте было обнаружено соответствующее количество почти целых черепов...

У входа склеп был заполнен (толщина 0,40 см) мягкой желтоватой землей, прикрывавшей здесь сильно перемешанные остатки значительного количества человеческих костяков. У юго-западной и восточной стен склепа слой земли сходил на нет; здесь видны были сильно истлевшие человеческие кости, которые у стен лежали незначительным слоем – толщиной до 0,10 м. После выборки из склепа натечной земли до костного слоя были обнаружены сдвинутые со своих мест кости, среди которых оказалось 19 сильно истлевших черепов...» [17, с. 422-424].

В данном описании обращает внимание высокая концентрация погребений в двух относительно небольших склепах, явно использовавшихся не один раз. Достаточно ясно прослеживается, по крайней мере, два таких этапа. Приведенный в публикации обнаруженный здесь скудный вещевой материал, к сожалению, не расчленяющийся стратиграфически, суммарно датируется не ранее XII и не позднее XV в. Правда, сам автор раскопок склонен был отнести сооружение склепов к V-VII вв., исходя из их сходства с соответствующими погребальными памятниками Эски-Кермена. Однако синхронного инвентаря найдено не было и приходится ограничиться предположением о том, что первоначальные захоронения здесь были полностью уничтожены при использовании камер для массовых захоронений уже в период существования княжества Феодоро. Отметим, что описанная ситуация весьма соответствует картине, наблюдавшейся Матфеем и именно в той части плато, через которую он наверняка проходил направляясь к цитадели (рис. 2, 10) и которую он затем осматривал с вершины башни.

Дальнейшее повествование (ст. 59-68) совершенно определенно указывает, что наш путешественник проследовал по территории цитадели, заглядывая в ее пещерные помещения, которых здесь в настоящее время насчитывается более 30, включая и те, от которых остались только следы. Наилучшие по сохранности и наиболее впечатляющие своими интерьерами сооружения концентрируются ближе к оконечности мыса. Особо среди них выделяются два комплекса, обращавших на себя внимание вояжеров. Первый, наиболее известный и посещаемый, расположен в самой оконечности мыса, на ее северо-западной стороне (комплекс № 1 по нумерации Е.В.Веймарна, в литературе также именуется «Барабан-Коба»). Поверху он венчался дозорной башней, руины которой могли видеть посетители еще в начале прошлого века, сейчас от нее остались только вырубки в скале. Рядом с ней находилось прямоугольное полувырубное помещение с очажными углублениями. Помещение второго этажа уже полностью вырублено в скале. К настоящему времени его северо-западная стена большей частью обрушилась и, судя по фотографиям, за последнее столетие этот процесс шел довольно быстро. Из этого помещения можно было через проем в северо-восточной стене попасть на крошечную треугольную в плане площадку на самой оконечности, шпиге, мыса. Она была ограждена брустверными стенками, а в северо-западной ее кромке есть две вырубные машикули, направленные на участок колесной дороги возле заворота ее под оконечностью Тешкли-буруна. Из помещения второго этажа по скальной лестнице вдоль наружной стены можно спуститься на площадку длиной около 12 м и шириной 3 м перед входом в нижний этаж. Она также явно имела боевое назначение, по краю ее проходит вырубка, предназначавшаяся для укладки камней основания гарапета, прикрываясь которым можно было наблюдать или обстреливать дорогу. Нижний этаж состоит из обширных помещений, в главное (6x5 м, при высоте до 2,7 м) из которых, с монолитным подпорным столбом, выходят дверные проемы еще пяти камер. К юго-западу находится еще одно прямоугольное помещение, связанное с главным двумя дверными проемами. В настоящее время северо-западная стена большого помещения с камерами большей частью обрушилась. Еще лет 15 назад отвалившийся от нее скальный блок лежал на площадке, но затем был сброшен в ущелье Капу-дере. Сохранилась литография, выполненная по рисунку художника Вебеля в середине XIX в., изображающая интерьер помещения до обрушения стены. В него вел тогда прямоугольный дверной проем, через который проникало значительно меньше света, чем сейчас. Здесь постоянно, даже в летний полдень, царил полумрак. Назначение комплекса в целом определяется как дозорно-оборонительное. В нижнем этаже обычно усматривают тюрьму. Однако более вероятно, что на самом деле это был монастырский комплекс, в состав которого кроме dormitorio с пятью кельями входила также трапезная (помещение к юго-западу) [25, с. 8-14].

На юго-восточной стороне в обрыве близ оконечности мыса (рис. 2, 14) находится другой двухэтажный комплекс (Е.В.Веймарн рассматривал каждый его этаж как отдельный комплекс, но более вероятно, что это был единый пещерный ансамбль также монастырского характера). Попасть в него можно с поверхности плато по наклонному туннелю с лестничным спуском, который приводит в обширное помещение, юго-восточная часть которого обрушилась еще в древности. У окончания лестницы расположена прямоугольная в плане большая вырубная гробница, а в северо-западной стене над ней дверной проем, ведущий в камеру, служившую монашеской кельей. В нижний этаж можно было спуститься как из описанного помещения по ступеням лестницы, прорубленной вдоль края обрыва и отделенной от него невысокой скальной стенкой, так и прямо с поверхности плато с юго-западной стороны по ступеням, вырубленным на крутом скальном склоне. Это был, вероятно, более ранний и менее удобный вариант хода, поскольку приходилось спускаться по опасной крутизне без ограждения со стороны обрыва.

Нижний этаж разделен на три помещения, из которых наиболее впечатляет центральное, представляющее обширный зал с хорошо обработанными стенами, в которых вырублены прямоугольные полки-ниши, вероятно использовавшиеся как внутрискельные гробницы. В северо-восточной части в скальном полу – вырубное основание миниатюрной церкви,

использовавшееся в турецкое время как водосборный бассейн. В наружной стене со стороны обрыва прорублены дверная и оконные амбразуры, снабженные деревянными рамами. Пожалуй, нигде больше в скальных помещениях Мангупа не воспроизведены столь точно детали устройства наземных построек дворцового характера. Соседнее к юго-западу помещение с вырубным очагом посередине использовалось как боевой каземат, из которого с двадцатиметровой высоты через машикуль могла обстреливаться дорога на участке перед ее крутым поворотом вокруг оконечности мыса. Помещение с северо-западной стороны служило монашеской кельей. Этот комплекс привлек внимание швейцарского путешественника Дюбуа-де-Монпере, опубликовавшего в 1836 г. его план. И именно его можно вполне определенно узнать в описании Матфея. Причем важной деталью является указание на то, что освещаются помещения с востока, в то время, как отмечалось выше, в нижнем этаже Барабан-Кобы, обращенном дверным проемом на северо-запад и не имевшем окон, даже в солнечный день сумрачно. Это позволяет более уверенно установить, какой из крупнейших пещерных комплексов цитадели упоминает автор.

Поднявшись вновь на поверхность, переполненный впечатлениями о виденном (ст. 67-68), наш путешественник продолжает прогулку, покинув, вероятно, цитадель. Внимание его вновь приковывает вид, открывающийся с вершины плато, причем он мог созерцать не только предгорья и степи в северо-западной части полуострова, но и видеть море (ст. 71-72), открывающееся на западе на пространстве от Чембало (Балаклавы) до района современной Евпатории, а это обычно возможно лишь при ясной прохладной погоде.

В строках 73-91 автор опять обращается к городу, но теперь уже в восхищенно-риторической форме вопрошает его о создателе. В этом пассаже проступает хорошая осведомленность Матфея о современной ему технике и организации строительного дела. Здесь же он как бы суммирует уже изложенные им ранее наблюдения, прежде всего касающиеся природных особенностей местоположения города. Все технические детали, упоминаемые в тексте, являются лишь метафорическим средством для подчеркивания грандиозности природного ансамбля Мангупа, создание которого было по силам лишь Творцу, но не человеческим возможностям⁷. Строгая очерченность контуров горы, окаймляющие ее ровные вертикальные обрывы, величественный антураж производят гипнотизирующее воздействие и на многих современных посетителей, порождая ощущение участия некоей сознательной силы в формировании этого места. Не случайно в недавнем прошлом, отмеченным массовым увлечением окультизмом, Мангуп стал местом паломничества разного рода экстрасенсов и последователей различных религиозных сект.

В строках 107-109 Матфей еще раз обращается к виденным им в городе храмам, дворцам, подземным сооружениям, надгробиям. Можно согласиться с г. Байером, что в отношении к последним употребленное Матфеем в ст. 109 слово можно толковать как новозаветное заимствование (прим. 47). Однако, как мне кажется, нельзя исключать и отражение конкретных впечатлений автора, которые можно понимать как восприятие им увиденных надмогильных памятников. Они изготавливались из местного мшанкового известняка, который при обработке становился практически белым, в то время как необработанный камень, в том числе и открытые поверхности материковой скалы на плато, имеют обычно серый цвет за счет поверхностной корки, образующейся под влиянием природных факторов: действия осадков, солнца, температурных перепадов, лишайников. На обработанных поверхностях, открытых для такого рода воздействий, для появления подобного «загара» требуется достаточно длительное время, десятки лет. Таким образом, словосочетание в строке 109 можно понять и как «надгробия побеленные». Так они воспринимались по контрасту с более темным фоном стен храмов и скальной поверхности. Наблюдать их Матфей мог на кладбищах кварталных церквей, располагавшихся на периферии застроенной части плато в верховьях ущелий Капу-дере и Гамам-дере. По крайней мере, три таких комплекса известны в восточной части городища за пределами цитадели (рис. 2, 8, 15). Вероятно, где-то здесь завершилась достаточно четко

⁷ Ср.: «...эту крепость нельзя сравнить ни с одной крепостью в заселенной четверти [Земли]... Да хранит ее Бог в спокойствии! Потому, что эта крепость есть творение Руки Могущественной. Кто ее не видел, пусть не говорит, что он видел [настоящую (лучшую?)] крепость в мире» [12, с. 35].

прослеживаемая в описании часть маршрута, дальнейшее его продолжение и то, каким путем автор покинул город, определить невозможно, поскольку он переходит к темам более общего характера.

В строках 110-117, содержащих своеобразный обмен комплиментами между Чужеземцем и Городом, ставится наконец-то вопрос о причинах наблюдаемого Матфеем запустения. Ответ Города, хотя и пространный (ст. 118-138), но в то же время наполненный перечислением бедствий, естественных для долго пребывавшей в осаде крепости. Он лишен каких-либо конкретных исторических ориентиров, поэтому требуется сопоставление содержания данной части "Рассказа" с другими источниками и ситуацией в Крыму, сложившейся к концу XIV в.

Матфей не раскрывает источников получения им информации о событиях, приведших город в столь плачевное состояние. Во всяком случае, нет никаких намеков на общение с местными жителями, наоборот, постоянно подчеркивается полная безлюдность местности, если только рассеянные невнятные сведения от уцелевших деморализованных окрестных обитателей не были обобщены и вложены автором в уста Города.

Происхождение врагов, державших город в осаде, достаточно ясно указано в ст. 121, где они названы «агарянами», что было общеупотребительным в православной христианской среде обозначением последователей ислама.

Этот раздел текста содержит сведения, заставляющие вновь обратиться к вопросу о времени создания поэмы. Очевидно, что описываемая здесь блокада была весьма продолжительной и привела к истощению запасов продовольствия, которые не были рассчитаны на такую экстремальную ситуацию. В ст. 120 и 125 указан срок, в течение которого город находился во вражеском окружении: семь лет и девятый год. А.А.Васильев усматривал в этом точное указание на продолжительность периода от первого захвата Феодоро (1395 г.) и до смерти Тимура (январь 1404 г.) [7, р. 190]⁸, когда полуостров находился под властью его империи. Вряд ли стоит понимать это буквально, как хронологическое определение. Приведенные числа вполне могли иметь фигуральное значение, соответствующее восточно-христианской литературной традиции, восходящей к ветхозаветной антологии [см. напр.: Бытие, 41, 27]. Если принять точку зрения А.А.Васильева, то придется признать, что миссия Матфея в Крыму растянулась как минимум на десятилетие и посещение им Феодоро, а значит и создание поэмы, следует датировать не ранее 1404 г., однако наблюдаемая автором картина разорения города как будто нарисована по свежим следам события.

Определению узкой даты нашествия войск Тимура было уделено немало внимания различными авторами. Сопоставляя довольно противоречивые известия арабских летописцев, можно установить, что после взятия Таны в устье Дона в сентябре 1395 г. войско Тимура вторглось на полуостров, захватило город Крым и после 18-тидневной осады взяло Кафу (Эласкалани) [35, с. 454]. Эти события произошли в конце сентября – первой половине октября 1395 г. Осада и захват Феодоро остались вне поля зрения арабских источников, но это не удивительно, так как центр экономической жизни уже со второй половины XIII в. переместился в восточную часть полуострова. Кафа и Крым (Солхат) были наиболее известными на мусульманском Востоке городскими центрами на северном побережье Черного моря, к ним было приковано главное внимание. Однако нашествие Тимура, естественно, должно было захватить и юго-западную часть полуострова, населенную в это время преимущественно христианами. Именно по такому сценарию развивался в 1299 г. рейд орды Ногая, вначале обрушившейся на Солхат, Кафу, Судак, а затем пронесшейся, разоряя все на своем пути, до Сары-Кермена (Херсона). Эдигей, руководивший военными действиями в Крыму, мог уже к концу осени пройти по тому же маршруту⁹. Исходя из исторических ориентиров, трудно определить более узкую дату посещения разоренного города Матфеем. Во всяком случае, известие Элайни позволяет установить, что к началу XV в. военные действия в Крыму уже

⁸ В современной востоковедческой литературе дата смерти Тимура указывается 18 февраля 1405 г. [34, с. 390].

⁹ В.Д.Смирнов считал неверными сведения арабских историков о том, что Тимур лично приводил войска в Крым и сражался здесь с Тохтамышем, на самом деле крымской кампанией руководил эмир Эдигей (Идика) [36, с. 147-148].

завершились¹⁰, что также заставляет усомниться в точности приводимых в тексте хронологических ориентиров.

Подтверждением сведений Матфея о том, что захват города Феодоро, вероятно, не сразу удался татарам Эдигея, может служить эпиграфический памятник, происходящий непосредственно из Мангупа и привлекавшийся для комментирования содержания «Рассказа» А.А.Васильевым. Это надпись на известняковой плите, извлеченная из башни ВЛО, стоящей в верховьях Табана-дере над узким каньоном, по которому проходила на территорию города дорога, доступная для всадников, пешеходов и выючных животных. Надпись, к сожалению, дошла в сильно поврежденном состоянии, причем текст подвергался преднамеренной порче: строки прочеркивались острым предметом [14, с. 15-19]. Тем не менее, фрагменты, восстановленные В.В.Латышевым [37, с. 56-57] и Н.В.Малицким [14, с. 18-19], позволяют сопоставить содержание надписи с событиями, последствия которых наблюдал в городе Феодоро иеромонах Матфей. В ней сообщается, что феодориты (если данное чтение верно, то это первое упоминание этнопонима) установили данную надпись в память о борьбе с какими-то варварами, вероятно, напавшими на них и причинившими ущерб, говорится об убийстве погонщика и десяти, вероятно, похищенных упряжках волов, об отпоре этим врагам, на борьбу с которыми были подняты от мала до велика, о преследовании до местности, название которой в надписи полностью утрачено, упоминается «богохранимая крепость Феодоро». От даты сохранились, и то не вполне разборчиво, первые две буквы, указывающие на XIV столетие (6800-е гг.). Н.В.Малицкий был склонен относить этот памятник скорее к концу века, когда Крым оказался театром военных действий между Эдигеем и Тохтамышем. Если это так, то надпись могла отражать один из эпизодов довольно длительной и жестокой борьбы, принесшей опустошение многим поселениям, в том числе Херсону и Феодоро-Мангулу¹¹. Вряд ли эта надпись была установлена в память поражения, нанесенного феодоритам. Скорее, по ее смыслу, она посвящена какому-то успешному для них эпизоду, пришедшемуся на последнее пятилетие XIV в. К этому хронологическому отрезку, скорее ближе к его окончанию, можно отнести и создание «Рассказа о городе Феодоро».

Проведенный нами анализ содержания произведения Матфея заставляет признать удивительно высокую точность описаний путешественника. Это тем более впечатляет с учетом специфики жанра произведения, предполагающего, прежде всего, оказание эмоционального воздействия на читателя, а не систематизированное изложение материала наблюдений. Можно констатировать, что автор обладал исключительной зрительной памятью и, вероятно, составил описание увиденного по свежим впечатлениям. Это дает основания считать, что источник и в дальнейшем останется своеобразным *vade mecum* для исследователей Мангупа.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Герцен А.Г. Рассказ о городе Феодоро. Топографические и археологические реалии в поэме иеромонаха Матфея // АДСВ. 2001. Вып. 32.
2. Байер Х.-Ф. История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. Екатеринбург, 2001.
3. Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. О некоторых вопросах истории Таврики иконоборческого периода в интерпретации Х.-Ф.Байера // МАИЭТ. 2002. Вып. IX.
4. Mercati S.G. Versi di Matteo Ieromonaco, Διήγησις τῆς πόλεως Θεοδώρου// Studi bizantini. 1927. T.2.
5. Heyd W. Histoire du commerce du Levant en Moyen-Age. II. Leipzig, 1886.
6. Mercati S.G. Collectanea byzantina. I. Roma, 1970.
7. Vasiliev A.A. The Goths in the Crimea. Cambridge, Mass., 1936.
8. Байер Г.-В. Митрополии Херсона, Сугдеи, Готии и Зихии по данным просопографического

¹⁰ «В 803 г. (22 августа 1400 г. – 10 августа 1401 г.) государем Дешта, Сарая и Крыма был царь Идики, земли его находились в потрясенном состоянии, вследствие расстройств стран Восточных от нашествия Тимурленка и походов его в (том) крае» [35, с. 532].

¹¹ Нельзя исключать, что в рассказе Матфея отражен не один длительный эпизод блокады города, а общее представление об обстановке, характерной для этой части полуострова на всем протяжении военных действий противоборствовавших сторон. У более поздних турецких авторов (например, у Печеви) есть сведения о том, что Тимур совершил в Дешт и Крым два или три похода [36, с. 158].

- лексикона времени Палеологов // АДСВ. Византия и средневековый Крым. 1995. Вып. 27.
9. Поляковская М.А. Освещение фессалоникийского восстания 1345 г. в памятнике риторической литературы // ВВ. 1987. Т.48.
 10. Богданова Н.М. Церковь Херсона в X-XV вв. // Византия. Средиземноморье. Славянский мир. К XVIII Международному конгрессу византинистов. М., 1991.
 11. Фирсов Л.В. Исары. Новосибирск, 1990.
 12. Книга путешествия. Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме. Пер. и ком. Е.В.Бахревского. Симферополь, 1999.
 13. Карпов С.П. Черноморская навигация итальянских морских республик в XIV-XV вв. Факторы и степень риска // *Bulgaria Pontica Medii Aevi III, Nessebre, 1985. Sofia, 1992.*
 14. Малицкий Н.В. Заметки по эпиграфике Мангула // ИГАИМК. 1933. Вып. 71.
 15. Герцен А.Г. Крепостной ансамбль Мангула // МАИЭТ. 1990. Вып. I.
 16. Якобсон А.Л. О раннесредневековых крепостных стенах Мангула // КСИИМК. 1949. Вып. 29.
 17. Веймарн Е.В. Разведка крепостных стен и некрополя // МИА. 1953. № 34.
 18. Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Методика выделения раннесредневековых пещерных сооружений Горного Крыма (на примере Мангула) // СА. 1991. № 2.
 19. Герцен А.Г. Археологические исследования караимских памятников в Крыму // МАИЭТ. 1998. Вып. VI.
 20. Бармина Н.И. Мангупская базилика // АДСВ. 1973. Вып.10.
 21. Бармина Н.И. К изучению Мангупской базилики (история исследования) // АДСВ. 1975. Вып. 11.
 22. Бармина Н.И. Историческое место Мангупской базилики в христианской архитектуре Таврики / Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1983.
 23. Паллас П.С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793-1794 годах. Пер. с нем. М., 1999.
 24. Домбровский О.И. Фрески средневекового Крыма. Киев, 1966.
 25. Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Пещерные церкви Мангула. Симферополь, 1996.
 26. Якобсон А.Л. Дворец // МИА. 1953. № 34.
 27. Веймарн Е.В., Лобода И.И., Пиоро И.С., Чорев М.Я. Археологические исследования столицы княжества Феодоро // Феодальная Таврика. Киев, 1975.
 28. Андриевский И.С. Развалины Мангула // Одесский альманах на 1840 г. Одесса, 1839.
 29. Бертье-Делагард А.Л. Каламита и Феодоро // ИТУАК. 1918. № 55.
 30. Мыц В.Л. Несколько заметок по эпиграфике средневекового Крыма XIV-XV вв. // Византийская Таврика. Киев, 1991.
 31. Герцен А.Г. Система оборонительных сооружений Мангула / Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1984.
 32. ИТУАК. 1914. № 51.
 33. Schneider A.M. Byzanz. Vorarbeiten zur Topographie und Archäologie der Stadt. Amsterdam, 1967.
 34. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950.
 35. Тизенгаузен В.Г. Материалы, относящиеся к истории Золотой Орды. СПб., 1884.
 36. Смирнов В.Д. Крымское ханство под главенством Оттоманской Порты. СПб., 1887.
 37. Латышев В.В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб., 1896.

GERTSEN A. G.

MANGUP-THEODORO IN THE DESCRIPTIONS BY CELIBATE PRIEST MATTHEW
Summary

The contents of the work of celibate priest Matthew "Weeping over the City of Theodoro" who shared his impressions about the city on the plateau of Mangup, the capital of Theodoro principality, ravaged by the army of Tamerlane. Despite a specific genre of the narration (monody), astute observations were made concerning the position of the city, the locations of its separate objects. The main stages of Matthew's route can be restored from Yalta through mountain ridge Yajla to the bay of Akhtiar-Severnaya, then to Mangup-Theodoro and then on the territory of the city. The author mentioned the ascending road, the main city gates and the church over them, water sources, the garden in Taban-Dere canyon in the central part of the plateau, the citadel on the cape of Teshkli-Burun, cave constructions. "Weeping" provides researchers with the information on the situation in Taurica during the last five year of the 14th century.

Διήγησις τῆς πόλεως Θεοδωροῦς
Στίχοι Ματθαίου εὐτελοῦς καὶ ἐλαχίστου θύτου

Θαῦμα τερπνὸν ἐξαίρετον, τῇ λύπῃ μεμιγμένον
τοῖς φιληκόοις λέξομαι μετὰ πολλῶν δακρῶν.
Ἦράσθην παραπονηθεὶς δουλεῦσαι ξενιτείαν,
καὶ δὴ περάσας ἄνωθεν τῇ γῇ τῆς Χαζαρίας,
5 εὔρον καὶ γαίαν εὐμορφον, λιμένας γαληνίους.
Ἦ γῆ τὰ πάντα εὐμοιρεῖ ὄπωρῶν καὶ σπερμάτων
ἄγρια ζῶα καὶ ἡμερα εἰς πλῆθος ἐπιφέρει
οἱ δὲ λιμένες βρῦουσι τὰ πλήθη τῶν ἰχθύων
οἰκοῦσι δὲ καὶ ἄνθρωποι πιστοὶ μετὰ ἀπίστων,
10 οἱ δὲ πιστοὶ χρηστότεροι καὶ πλέον παρὰ τὴν φύσιν.
Ὑδατα πάνυ πάντερπνα, ὄρη, βουνοὶ, πεδιά·
σὺν τούτοις ἔρχομαι εἰπεῖν διήγημά τι ξένον
Ὀδευομένου μου ποτὲ καὶ βλέπων τὰ τοῦ τόπου
εἶδον καὶ πόλιν πάντερπνον, πάνυ ἐξηρημένην,
15 γύροθεν ἔχουσαν βουνά, πλησίον δὲ πεδιά,
κλεισοῦραν ἔχων κύκλωθεν ὥσπερ αἱ πόλεις σοῦδας,
μέσον δ' ἡ πόλις ἴσταται θαῦμα φρικτὸν καὶ ξένον·
πολὺ γάρ δυσπαράδεκτον ἀκοῦσαι καὶ πιστεῦσαι.
Ἀκρίτης ἐκ τοῦς δυνατοῦς τὸ τόξον ἐπιτείνας,
20 πολὺ τὸ ἔχω διὰ τέσσαρεις νὰ ἐμπάσῃ τὴν σαγίταν,
ἴσως καὶ τοῦτο ἦν δυναθῆ ἐκ τοῦ ἄνωθεν μέρους·
τὸ δὲ γε γύροθεν κυκλοῦν ἐκ βάθους τῆς κλεισοῦρας
εἰκάζω οὐδὲ δι' ἑπτὰ νὰ σώσῃ ἐντὸς τὸ ξίφος.
Γύροθεν δὲ τὰ ἀντικρυ βουνά τὰ ἀντιπέραν,
25 εἰκάζω δύο μίλια τὸ μεταξὺ δὲ χάος.
Μέσον δὲ ἴσταται λοιπὸν ἡ πανθαύμαστος πόλις
ὡς τράπεζα ἐξάγωνος μέσον εἰς πεδιάδα,
τὰ τεῖχη οὐρανοχάλκευτα, ἄνευ χειρῶν τμηθέντα.
Μακρόθεν γοῦν ὡς ἔβλεψα καὶ εἶδον αὐτὴν ἐξαίφνης,
30 ἐξέστην, πάνυ ἐνεὸς ἰστάμενος θαυμάζειν.
Περιπατήσας ὀλιγὸν εὔρον ὁδὸν ἀρχαίαν·
αὐτὴν δ' ἐπλαβόμενος ὑπὸ κοχλίου ἀνιούσης,
εἰσήγαγέ με κύκλωθεν, καὶ εὔρον ὠραίαν πύλην.
Ὡ φίλε, τίς ἀδακρυτὴ καὶ δίχα πάσης λύπης
35 τὴν θέσιν διηγῆσεται τῶν στοῶν καὶ τῶν λίθων
παμμήκων παμμεγέθων τε, συναρμολογουμένων,
στοῶς, πσοῦς τετράγωνους καὶ κτίσιν θαυμασίαν,

Рассказ о городе Феодоро
Стихи Матфея, недостойного и ничтожного жреца

- Чудо приятное, чрезвычайное, с горем смешанное
любителям слушания я расскажу со многими слезами.
Я предпочел, оскорбившись, совершить свою работу на чужбине,
и вот пересекши по верху землю Хазарии,
5 я нашёл также страну прекрасную, гавани тихие.
Земля весьма богата фруктами и зерном;
диких животных и прирученных в большом количестве носит на себе;
гавани изобилуют массами рыб;
проживают и люди верующие вместе с неверующими,
10 верующие более добры и скорее против природы.
(Есть) воды весьма приятнейшие, горы, равнины;
вместе с этим собираюсь сообщить некий рассказ странный:
Путешествуя как-то и осматривая местность,
я увидел город приятнейший, весьма вознесённый,
15 вокруг имеющий горы, вблизи же равнины,
укрепление имяя вокруг, как города палисады,
середине город стоит чудом ужасающим и странным;
ибо очень тяжело воспринимаемо, чтобы услышать и поверить.
Акрит из сильных, лук натянув,
20 большой (удачей) я считаю то, если через четыре пошлёт внутрь стрелу,
и если, пожалуй, это сможет с высокого места;
но кружение вокруг снизу укрепления,
я догадываюсь, и через семь не позволит ему внести меч
Вокруг расположенные напротив горы, на другой стороне,
25 догадываюсь, (что) две мили – в промежутке же пропасть.
В середине же стоит, наконец, совсем удивительный город,
как стол шестиугольный по средине равнины,
стены небом кованы, без рук обтёсаны.
Издали же, сразу как взглянул и увидел его внезапно,
30 я сделался вне себя, совсем немой стоя, чтобы удивляться.
Погоуляв немного я нашёл путь древний;
придерживаясь онога, спиралью восходящего,
он ввёл меня кругами, и я нашёл красивые ворота.
О друг, кто без слез и без всякой скорби
35 опишет положение портиков и камней
весьма длинных и весьма больших, слагающихся стройно,
портики, опоры четырёхугольные и постройку удивительную,

- ἄνωθεν δε τὸν δροφον ναὸν ἐπιφερούσης
πανεπιτηδείοτατον, ὡς εἶδον ἐκ σχημάτων;
40 Καὶ γὰρ ἀκμὴν συνίσταται ἄνω τὸ θεῖον βῆμα.
Μόλις ποτὲ εἰς ἑαυτὸν ἐλθὼν ἀπὸ τῆς θέας,
εἰσῆλθον καὶ τῶν ἔσωθεν ἰδεῖν τοῖς ἐνδοτέροις.
Εἶδον πεδίον πάντερπνον τέσσαρες λόφους ἔχον,
ὑδατα πανγλυκύτατα, κήπους ἀρδευομένους,
45 πηγὰς εἰς ὄψιν βρύοντας, εὐάερον τὸν τόπον,
εἶδον ναοὺς ἐξαιρετοὺς, μωσισοεδαφωμένους.
Καὶ τρουλλωτὰ καὶ δρομικὰ καὶ στρογγυλὰ τῇ θέσει
τῆσδέ γε μητροπόλεως τίς ἂν ἐκδιηγῆται,
τῶν οἰκῶν δὲ τὰ σχήματα πῶς ἂν τις ἐξηγῆται;
50 Ὡς δὲ εἰσῆλθα εἰς τὸ κουλὰ καὶ εἶδα κτισμάτων θέσιν,
ναοὺς περικαλλεστάτους καὶ κάλλη παλατίων
λελαξευμένων τάφων τε, στοῶν καὶ κιονίων,
ἔπι γε μὴν καὶ πάσης τε ποικίλης ζωγραφίας,
εἶδον καὶ σώματα νεκρῶν καὶ πλήθη τῶν λειψάνων
55 καὶ κάρας ἄνευ τῶν ὀστέων, λείψανα δὲ σωρείας,
ἔστέναζα ὀδυνηρῶς ἐκ βάθους τῆς καρδίας·
Οἴμοι, ψυχὴ ταλαίπωρε, πῶς οὐ πενθεῖς, ἀθλία,
καὶ τῶν μελλόντων μελετᾶς, καταφρονεῖς τῶν ὧδε;
Ἔτερον δε πανθαύμαστον ἀναγγελῶ σοι, ξένε.
60 Εὐρῶν δὲ κλίμακα στερρὰν αὐτοφνεῖ τῷ λίθῳ,
κατῆλθον κάτω μέσον γῆς καὶ εἶδον τῶν ἐκείσε
τὸ ἔδαφος; καὶ δροφος αὐτοφνεῖ τῇ πέτρῳ,
λελαξευμένα πάντερπνα παλάτια, κελλία,
φωτισκὰ ὠραιότατα ἀνατολῆς ἀντίκρου
65 καὶ ποικιλίας θαυμαστάς, ἃς οὐδὲ κτίσμα φέρει,
πολλῆς ἡδίστης† γέμοντα, καλῶς ἐξειργασμένα.
Λοιπὸν ἀπελησμόνησα τῶν ἄνω βλέπων ταῦτα,
εἰς ἑαυτὸν δ' ἐπανελθὼν ἐξῆλθον πάλιν ἄνω.
Περιπατήσας δὲ λοιπὸν ἐπέβλεψα τὰ περίε·
70 διὰ ξηρᾶς ὡς ἡμερῶν ὁδὸν τριῶν ἐμβλέπεις,
διὰ θαλάσσης δὲ λοιπὸν τίς ἂν ἐξαρθμῆσει;
Καὶ πρὸς τὴν πόλιν ἐπιδὼν ταύτην συχνῶς ἠρώτων·
Ὡ πόλις θαυμαστότατε, τὴν κλήσιν θεοῦ δῶρον,
75 ὁποῖος ὑψηλότατος ὁ θαυμαστός τεχνίτης,
ὁ σοῦδας καὶ κλεισοῦρας σοι καὶ ὕψος ἀνεβάσας
καὶ τείχη θαυμαστότατα καὶ φυσικὰ στηλώσας
ἐκτός ἀσβέστου καὶ πλινθῆς καὶ λαξευτῶν μαρμάρων,
ἐκτός τεχνίτας, λεπτουργοὺς καὶ ἀρεξ λιθοξόους,
ἐκτός τε λίθων εὐμηκῆ καὶ τετραγωνιαίων,

- в то время, как наверху крышу храма на себе несёт (город), совсем непригоднейшего, как я увидел из очертаний?
- 40 Ибо вершину составляет наверху божественная вима.
Сразу как только придя в себя от видения.
я вошёл и во внутрь, чтобы посмотреть внутреннее.
Я увидел равнину весьма приятную, четыре холма имеющую,
воды весьма сладчайшие, сады орошаемые,
- 45 источники для взора бьющие, что имело хороший воздух место,
увидел храмы выдающиеся, мозаиками вымощенные.
И купольные, базиликopodobные и круглые по (рас)положению
(здания) здешней митрополии кто будет описывать подробно?
домов же очертания как кто-то будет объяснять?
- 50 Как только я вошёл в башню и увидел построек (рас)положение,
храмы прекраснейшие и красоты дворцов,
высеченных в скале гробниц, портиков и колонн,
кроме того и (красоты) всей пёстрой живописи,
увидел и тела мёртвых и массы останков
- 55 и черепа без костей, а останков кучи,
тогда я вздохнул тяжко из глубины сердца:
Увы, душа несчастная, почему ты не горюешь, жалкая,
и о будущих (вещах) заботишься и пренебрегаешь здешними?
Город: Другое же весьма удивительное я возведу тебе, чужеземец.
- 60 Найдя лестницу твёрдую из самородного камня,
я спустился вниз в средину земли и увидел там
пол и потолок из самородной скалы,
высеченные весьма приятные дворцы, келий,
светоносные (огня) красивейшие, направленные на восток,
- 65 и пёстрые украшения удивительные, которые и творение не носит,
большой приятностью наполненные, красиво сработанные.
Итак, я забыл верхнее, видя это,
но, придя в себя, вышел опять наверх.
Прогулявшись затем, я осмотрел окрестности;
- 70 по суше как на трёхдневный путь зрираешь,
по морю же. впрочем, кто сочтёт?
И на город взглянув, его часто спрашивал:
Чужеземец: О город удивительнейший, по названию – бога дар,
сколь высочайший (есть) удивительный художник,
- 75 палисады, укрепления тебе и высоту вознёсший
и стены удивительнейшие природные воздвигнувший
без извести, кирпича и высеченных мраморов,
без ремесленников, столяров и без строгающих дерево,
без камней длинных и четырёхугольных,

- 80 ἔκτος μαγκάνων καὶ πριῶν καὶ ἄνευ ἐργαλείων,
 ἔκτος βοῆς καὶ στεναγμῶν καὶ πάρεξ δορυφόρων
 καὶ συγκροτήσεων λαοῦ καὶ ἀμαξῶν καὶ ξύλων,
 ἔκτος βασιλικῆς χειρὸς καὶ χρημάτων δαπάνης;
 Τοιαῦτα τείχη ὑψηλὰ ἐστόλισέ σε κύκλω,
- 85 ὡς δὲ καὶ ὕψος κέκτησαι τῆς γῆς ἀνεστηκότα,
 περίβλεπτος τοῖς πέρασι, τῇ γῇ καὶ τῇ θαλάσῃ.
 Πῶς φέρεις ἔσωθεν πηγὰς κρυστάλλους καὶ γλυκείας,
 λειμῶνας πεδιάδας τε καὶ λόφους καὶ κοιλάδας;
 Οὐδὲ γάρ ἔτυχες λοιπὸν βραχύτερη τὸ μήκος,
- 90 ἀλλὰ καὶ μεγαλόπολις ἄνευ τῆς Κωνσταντίνου,
 καὶ θαῦμα, θαῦμα με θαμβεῖ ἡ σὴ δημιουργία.
 Καὶ δὴ θαυμάζεις τὴν ἐμὴν εὐτελεστάτην κτίσιν,
 καὶ πάνυ εὐτελεστάτη πρὸς τὸν τεχνίτην πέλει. Ἡ πόλις
ἀποκρίνεται
- 95 Ὅ στερεώσας οὐρανὸν καὶ γῆν θεμελιώσας,
 ὁ ἀρχιτέκτων ὁ λαμπρὸς, ὁ πάνσοφος τεχνίτης,
 ὁ πρῶτον στέγην ἐκπληρῶν καὶ τότε κτίζων βάθρα,
 ὃς οὐρανὸν ἐφαίδρυνε τῷ κάλλει τῶν ἀστέρων
 καὶ ἥλιον ἐνέπλησε τὸ φῶς καὶ τὴν σελήνην,
 ὁ παμποικιλοῖς ἄνθεσι τὴν γῆν κατακοσμήσας
- 100 καὶ τοῖς βουνοῖς καὶ τοῖς φυτοῖς πηγὰς τε καὶ θαλάσσας
 καὶ ποταμοὺς ἐξαγαγὼν ἐκ βάθους τῆς ἀβύσσου,
 ὁ πάντα λόγῳ συνιστῶν μὴ δεόμενος ὕλης
 οὐτ' ἐργαλεία, οὐ τρυφάς, οὐ χρημάτων δαπάνην,
 ὃς πανταχοῦ παρῶν ἐστί καὶ συμπληρῶν τὰ πάντα,
- 105 αὐτὸς ἐδημιούργησε τὴν ἐμὴν κτίσιν, ξένε.
 Καλῶς ἀνταπεκρίθης μοι· λοιπὸν ἔστω σοι χάρις. Ὁ ξένος
 Ναοὺς ὀρῶ ἐξαίρετους καὶ κάλλη παλατίων,
 μέσον δὲ γῆς θαυμάσια λαξεύματα ποικίλα,
 ἄνωθεν δὲ καὶ κίονας, τάφους κονιαμένους.
- 110 Καὶ πῶς ὑπάρχεις ἔρημος πλῆθος λαοῦ μὴ φέρων;
 Καὶ γάρ, ἂν ἦτον ἄοικος ἡ γῆ τῆς Χαζαρίας,
 ἐσὲ καὶ μόνην ἔπρεπε, πάντερπνε, οἴκουμένην.
 Κλαύσας δ' ἐκ βάθους τῆς ψυχῆς καὶ στεναγμοῦ καὶ θρήνου Ἡ πόλις
 τοιαῦτα μοι ἀνέπεμψεν ἐκ λυπηρᾶς καρδίας·
- 115 Ὅρω σε ξένον καὶ σοφὸν καὶ συνετόν, ἀγχίνουν,
 ἐνδεδυμένον ῥάκια, ξενιτεῖαν ἀσκοῦντα.
 χιτῶνα, βλέπω, ἐνδέδυσαι πενήθηρη, τεθλιμμένον.
 Ἄν δὲ εἰπῶ σοι τῶν ἐμῶν πυκνῶν ἀναλωμάτων,
 πολέμους καὶ τὰ φόβητρα, μᾶλλον τὰς παρατάξεις,
- 120 ὀλοῖς ἐπιτὰ τοῖς ἔτεσιν ἔθνη τὰ μὲ κυκλοῦντα

- 80 без подъёмников, и пил, и без орудий,
без крика, и вздохов, и без вооружённых сторожей,
и собраний народа, и телег, и брёвен,
без царской руки, и денег траты?
В таковые стены высокие он облачил тебя по кругу,
- 85 так что и высотой владеешь, от земли вознёсшись,
со всех сторон видный окрестностям, земле и морю.
Как помещаешь внутри источники хрустальные и сладкие,
луга, равнины, холмы и ущелья?
Ибо даже не случилось тебе потом укоротиться в длине,
- 90 но и ты мегаполис, несмотря на город Константина,
и чудо чудом меня изумляет твоё создание.
Город: И вот ты удивляешься моему недостойнейшему творению,
отвечает: даже весьма не достойнейшим по сравнению с художником оно является.
Укрепивший небо и землю основавший,
- 95 архитектор блестящий, всемудрый художник,
сперва крышу исполнивший, а затем сотворивший фундаменты,
который небо осветил красотой звёзд,
и солнце наполнил светом и луну,
весьма пёстрыми цветами землю украсивший,
- 100 горами и растениями и источники, моря
и реки извлекший из глубины бездны,
всё словом составивший, не нуждаясь в материи,
ни в орудиях, ни роскоши, ни в денег трате,
который есть везде присутствующий и исполняющий всё,
- 105 тот создал моё творение, чужеземец.
Чужеземец: Хорошо ты ответил мне. Итак, да будет тебе благодарность!
Храмы вижу выдающиеся и красоты дворцов,
в середине же земли удивительные изваяния разные,
наверху же и столбы, гробницы пыльные.
- 110 И почему ты являешься пустым, массы народа не имея?
Ибо даже. если бы была необитаемой земля Хазарии,
то один должен ты, весьма приятный, (быть) бы населённым.
Город: Плача из глубины души, стенания и причитания,
такое мне он извлёк из скорбного сердца:
- 115 Вижу тебя чужим, мудрым и толковым, остроумным,
одетым в рубище, на чужбине аскетствующим.
В одеяние, смотрю, ты оделся траурное, печальное.
Если расскажу тебе о моих частых утратах,
о войнах и ужасах, скорее всего, о боевых порядках,
- 120 о племенах, полные семь лет меня окружающих,

- πλήθη τε ἀναρίθμητα, ἀγαρηνῶν φοσσᾶτα
καὶ τὰς σφαγὰς καὶ τοὺς παλμοὺς τῶν ἔσω καὶ τῶν ἔξω,
τὰ κοῦρσα καὶ τὰ ἔνεδρα, χρεμετισμοὺς τῶν ἵππων,
– ἔσω τὸ πλῆθος τοῦ λαοῦ –, τῶν στεναγμῶν, τῶν θρήνων,
125 – ἔννατον ἔτος φέροντες, τροφὰς μὴ πορισθέντες –,
τῶν δὲ βρεφῶν καὶ γυναικῶν καὶ τοῦ λαοῦ τὸν θρήνον,
– ἐν πικρῶς καθυπέμειναν ἐκ τοῦ λιμοῦ τῆς βίας,
ὡς ὄνους καὶ κυνάρια καὶ τῇ γαλῆ βρωθέντας –,
καὶ πῶς λιποψυχήσαντες ἐπρόδωκάν με, ξένε,
130 ἐμὲ πολλῶν τῶν στεναγμῶν καὶ κωκυτῶν ἐμπλήσω,
ἐσὲ δὲ πάλιν ὄδυρμοῖς καὶ δάκρυσι χορτάσω.
Καὶ πρὶν πτωθῆς καὶ χαλεπῶς ἰλιγγιάσης, ξένε,
βάδιζε νοῦν ὡς ἔχοντα, δόξαν κυρίῳ πέμπων.
Καὶ γὰρ ἐγὼ πεπλήρωμαι πάσης τῆς θρηνηφδίας,
135 ὅμως εἰς νοῦν ἐπανελθὼν τὸν ποιητὴν δοξάζω,
ὡς *δίκαιος κριτὴς ἐστίν, εὐθεὶς αὐτοῦ αἰ κρίσεις*.
Ταῦτα μοι πάντως γέγονε θεοῦ ἀγανακτοῦντος
ἐκ τῶν πολλῶν ἀνομιῶν, ὧν ἔπραττον οἱ τότε.
Καλῶς ἔφη, πανθαύμαστε θεοῦ δημιουργία
140 ἀγανακτοῦντος τοῦ θεοῦ τὰ πάντα παρατρέχουν.
Οὗτος ὁ κόσμος πέφυκε λοιπὸν ὡς πανηγύριν
‘Ὡς πραγματεύετ’ ἕκαστος, οὕτως ἀπολαμβάνει.
Οὐδὲν ἐστὶ τι μόνιμον, οὐδ’ ἀσφαλές ἐν κόσμῳ,
τὰ πάντα παραρρέουσι, ‘τὰ πάντα ματαιότης’,
145 σκιά καὶ ὄναρ καὶ καπνὸς ὁ βίος οὗτος πέλει·
ἐν μόνον ἐστὶ τὸ καλόν, ψυχῆς ἢ σωτηρία
καὶ τὸ πιστεύειν εἰς αὐτὸν τὸν ποιητὴν καὶ κτίστην,
καὶ *ἀγαπᾶν* πάλιν ‘αὐτὸν ἐξ ὅλης τῆς καρδίας’
καὶ τὸ<ν> πλησίον αὐθις δὲ φιλεῖν ὡς τὸν δεσπότην·
150 ‘ἐν ταύταις’ γὰρ ‘ταῖς ἐντολαῖς ὅλος ὁ νόμος κεῖται’,
καθὼς ὁ κύριος φησὶν ἐν τοῖς εὐαγγελίοις,
ὅφ’ πρέπει δόξα καὶ τιμὴ, κράτος, μεγαλοσύνη
νῦν τε καὶ εἰς ἀπέραντον αἰῶνα τῶν αἰώνων.

Ὁ ξένος

- о массах неисчислимых, об агарян полках,
и об убийствах и дрожаниях внутренних и внешних,
о нашествиях и засадах, о ржаниях коней,
– внутри масса народа. – о стенаниях, о причитаниях,
125 – девятый год они выносили (это), пропитанием не запасшись,
– о младенцев, женщин и народа причитании,
– подобное горько претерпели из-за силы голода,
что ослы, собаки и кошка съедены,
– и как, упавши без чувств, предали меня. чужеземец,
130 то себя многими стенаниями и завываниями наполню,
тебя же сетованиями и слезами буду питать.
И пока ты не испугался и не претерпел тяжело головокружения, чужеземец,
иди, как ум имеющий, славу Господу отдавая!
Ибо и я наполнен каждой плачевной песнью,
135 всё же, в себя придя, творца прославляю,
так как он – справедливый судья, прямы его суды.
Это со мною в каждом случае произошло, потому что бог гневался
из-за многих беззаконий, которые совершали жившие тогда.
Чужеземец: Хорошо ты сказал, весьма удивительное творение бога,
140 через гнев бога всё проходит.
Сей мир по природе, как ярмарка:
Как торгует каждый, так получает.
Ничто не стойко и не надёжно в мире,
всё течёт мимо, всё суета,
145 тенью, сном и дымом жизнь сия является,
одно только есть благо, души спасение
и верить в негс. деятеля и творца,
и любить опять его всем сердцем
и ближнего любить опять же как владыку;
150 ведь на сих заповедях весь закон основывается
как Господь говорит в Евангелиях,
которому подобает слава и честь, власть, величие
теперь и в бесконечный век веков.

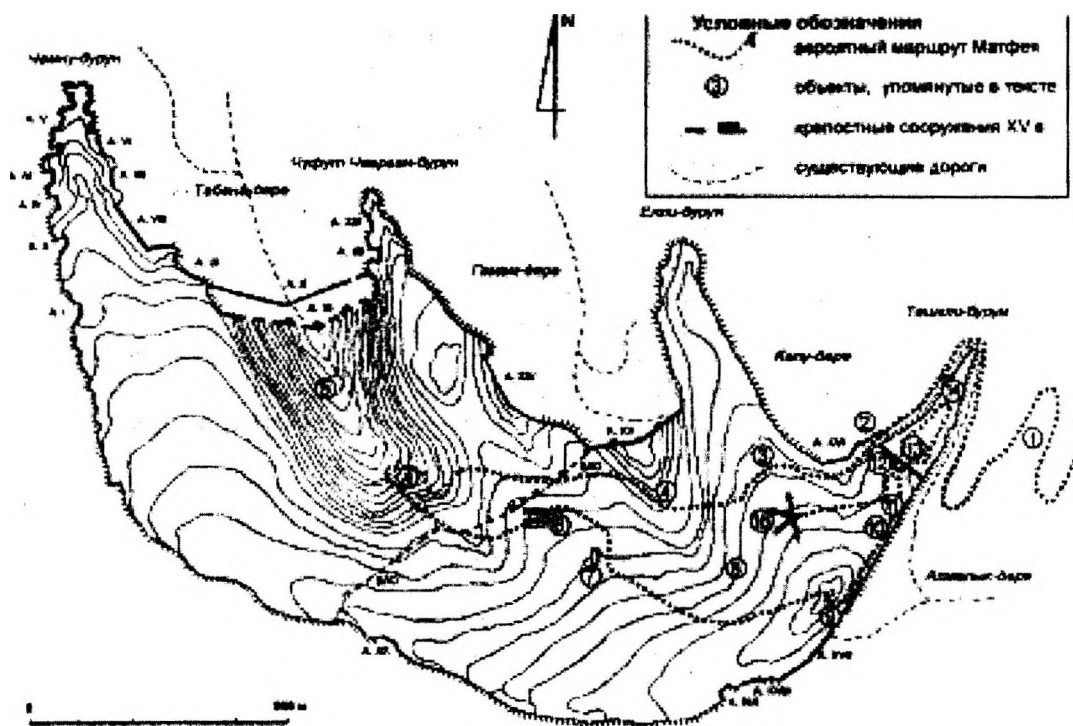

Рис.1 Предполагаемый маршрут путешествия Матфея от Ялты к Феодоро.

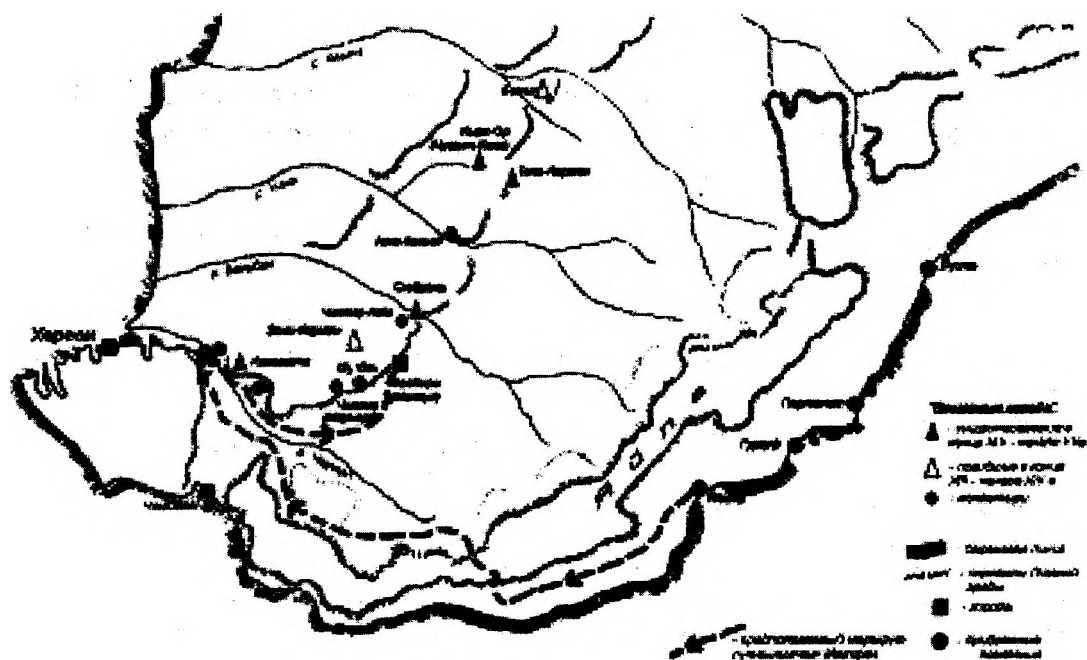

Рис.2. Предполагаемый маршрут путешествия Матвея по территории Мангупа-Феодоро.